

Константин Бальмонт

МОЕ – ЕЙ

*Россия*

МОЯ ТВЕРДЫНЯ

Вседневность Солнца – моя твердыня.  
Настанет утро, оно взойдет.  
Так было древле. Так будет ныне.  
И тьме, и свету сужден черед.  
    Вперед уходят все сочетанья,  
    Хотя по кругу идет узор.  
    Что было, было. Тут нет гаданья.  
    Что будет, будет. Бесплоден спор.  
От гор высоких – густые тени.  
Из гроз сгущенных – повторный гром.  
Но есть исход нам из всех сцеплений.  
Есть быль, давно ей был нужен – слом.  
    Узлом давнишним себя не мучай.  
    Свой парус емкий – с ветрами ставь.  
    И против ветра. И бейся с тучей.  
    Не бойся вала. Спасайся вплавь.  
Ты – явь, не греза. Свой облик помни.  
Ты – слиток света. Умам – звено.  
Хотя б в глубокой каменоломне,  
Но взять свой мрамор тебе дано.  
    Давно мученья. Еще минута.  
    Еще минута. Как больно мне.  
    Но срок короче. Слабеет пута.  
    Твердыня ночи сгорит в огне.  
На дне чистилищ мы, погибая,  
Не погибаем, пока – хотим.  
Душа провидит, как та слепая,  
Что оком духа пронзила дым.  
    К златым есть далям в душе оконце.  
    Нас голубая помчит река.  
    Я сгусток света. Я слиток Солнца.  
    Моя твердыня во мне крепка.

## ОНА

В мгновенной прорези зарниц,  
В крыле перелетевшей птицы,  
В чуть слышном шелесте страницы,  
В немом лице, склоненном ниц.

В глазке лазурном незабудки,  
В веселом вскрике ямщика,  
Когда качель саней легка  
На свеже-белом первопутке, –

В мерцаньи восковой свечи,  
Зажженной трепетной рукою,  
В простых словах «Христос с тобою»,  
Струящих кроткие лучи, –

В глухой ночи, в зеленоватом  
Рассвете, истончившем мрак,  
И в петухах, понявших знак,  
Чтоб перепеться перекатом, –

В лесах, где папоротник, взвив  
Свой веер, манит к тайне клада, –  
Она одна, другой не надо,  
Лишь ей, Жар-Птицей, дух мой жив.

И все пройдя пути морские,  
И все земные царства дней,  
Я слова не найду нежней,  
Чем имя звучное, Россия.

## МОЕ – ЕЙ

Приветствую тебя, старинный крепкий стих,  
Не мною созданный, но мною расцвеченный,  
Весь переплавленный огнем души влюбленной,  
Обрызганный росой и пеной волн морских.

Ты в россыпи цветов горишь, внезапно тих,  
Мгновенно мчишься вдаль метелью разъяренной,  
И снова всходишь в высь размерною колонной,  
Полдневный обелиск, псалом сердец людских.

Ты полон прихотей лесного аромата,  
Весенних щебетов и сговора зарниц.  
Мной пересозданный, ты весь из крыльев птиц.

И рифма, завязь грез, в тебе рукой не смята.  
От Фета к Пушкину сверкни путем возврата  
И брызги вдаль дорогой огневиц.

Я видел много чаровниц,  
Со мной гадавших о грядущем.  
Я по густым скитался кущам.  
Взглянул на много чуждых лиц  
В глуши неведомых станиц.

Смотря украдкой из бойниц,  
В боях участвовал я разных.  
Я медлил в россыпях алмазных.  
Я с тем же сердцем падал ниц  
В огнях враждующих божниц.

Я слушал шепоты черниц,  
Уважил все чужие храмы.  
Все голубые фимиамы.  
И птицей, выше верениц,  
Рассек преграды всех границ.

Но, слыша острый свист синиц,  
Всегда лечу душой в родное.  
Я вновь не в осени, а в зное,  
И внемлю песне молодежи  
Над мглой серебряных криниц.

Как мертвый, восстающий из гробниц,  
Познавший власть явиться не скелетом,  
А юношей, и в плоть, и в кровь одетым,  
Мечтающим о пламенах девиц, —

Как клекот потревоженных орлиц,  
Пророчеством вскипевший непропетым, —  
Как быстрый конь, бегущий белым светом  
За табуном горячих кобылиц, —

Я знаю, что таинственная дверца  
Из смерти в жизнь, из тьмы до бытия,  
Есть правда растворившегося Я.

Поняв, что верно в лике иноверца,  
Пронзить свое пылающее сердце.  
Вскричать, чужую боль приняв: «Моя!»

Игрою тонкого тканья  
В чужие я вникаю души.  
И боль в моей душе все глуше,  
А радость — влажный звон ручья.  
Власть претворения — моя.

Ползет ли предо мной змея,  
Я пеньем ворожу над нею  
И в колдованьи цепенею.  
Свою отраву затая,  
Она как тень. Она моя.

Земля вселенская – ничья,  
Она – в своей лишь литургии.  
Всем сердцем я в моей России.  
Металл расплавленный – струя.  
Но эта кузница – моя.

В огне, задымленный, куя,  
Верховной волей созиданья  
Могу перековать страданье  
В венец и в пламя лезвия.  
Я весь – Ея. Она – моя.

## КРЕЩЕНИЕ СВЕТОМ

Отвеяв луч Луны рукою чаровницы,  
Перекрутив его и завязав узлом,  
Она, сдвигая мглу, пошла лесным холмом,  
И по пути ее, проснувшись, пели птицы.

Закрученный узор горел, как свет денницы.  
Она спустилась вниз, и, постучав в мой дом,  
Сказала мне: «Проснись. На таинство идем».  
Я в чашу с ней пришел к воде лесной криницы.

Полночного цветка душистую струю  
Она даладохнуть. Я звук услышал струнный,  
Дала мне миг побыть в тиаре этой лунной.

Я в зеркале воды увидел жизнь мою.  
Из недр, как сговор сил, извергся гул бурунный.  
И Солнце выплыло. А я с тех пор – пою.

## РОССИЯ

Есть слово – и оно едино.  
Россия. Этот звук – свирель.  
В нем воркованье голубино.  
Я чую поле, в сердце хмель,  
Познавший птиц к весне апрель.  
На иве распустились почки,

Береза слабые листочки  
Раскрыла – больше снег не враг.  
Трава взошла на каждой кочке,  
Заизумрудился овраг.  
Тоска ли в сердце медлит злая?  
Гони. Свой дух утихомирь.  
Вновь с нами ласточка живая,  
Заморского отвергшись края,  
В родимую влюбилась ширь.  
И сердце, ничего не зная,  
Вновь знает нежно, как она,  
Что луговая и лесная  
Зовет к раскрытости весна.  
От солнца – ласка властелина,  
Весь мир – одно окно лучу.  
Светла в предчувствии долина,  
О чем томлюсь? Чего хочу?  
Всегда родимого взыскую,  
Люблю разбег родных полей,  
Вхожу в прогалину лесную –  
Нет в мире ничего милей.  
Ручьи, луга, болота, склоны,  
В кустах для зайца уголок.  
В пастушью дудку вдунул звоны,  
Качнув подснежник, ветерок.  
Весенним дождиком омочен,  
Весенним солнцем разогрет,  
Мой край в покров весны одет,  
Нерукотворно беспорочен.  
Другого в мире счастья нет.

## ТАИНСТВЕННАЯ СКЛЯНКА

Я из таинственной склянки  
Медленный сделал глоток.  
Мирно лежит на лежанке  
Кошка, свернувшись в клубок.

Жарко натоплено в доме.  
Вьюга летит по полям,  
Воет и ноет в истоме,  
Призраком всходит из ям.

Дали в снегах задремали,  
Сад мой заиндевел весь.  
Тот же, что был я вначале,  
Буду пред смертью я здесь.

Лишь колокольчик люблю я,

Скрип и качанье саней,  
Только восторг поцелуя,  
Только прижаться нежней.

Царства земные не нужны  
Порабощенным двоим,  
Вольно вступившим в жемчужный,  
Сказками тающий, дым.

Там далеко за холмами  
Все превращения лет,  
Звездные осыпи с нами,  
Час наш весь небом одет.

Пламя в печи синевато.  
Колокол полночь пропел.  
Сердце дорогой возврата  
Бьется о крайний предел.

## КАПЛЯ

В глухой колодец, давно забытый, давно без жизни и без воды,  
Упала капля, не дождевая, упала капля ночной звезды.

Она летела стезей падучей и догорела почти дотла,  
И только искра, и только капля одна сияла, еще светла.

Она упала не в многоводье, не в полногласье воды речной,  
Не в степь, где воля, не в зелень рощи, не в чащу веток стены лесной.

Спадая с неба, она упала не в пропасть моря, не в водопад,  
И не на поле, не в ровность луга, и не в богатый цветами сад.

В колодец мертвый, давно забытый, где тосковало без влаги дно,  
Она упала снежинкой светлой, от выси неба к земле звено.

Когда усталый придешь случайно к тому колодцу в полночный час,  
Воды там много, в колодце – влага, и в сердце – песня, в душе – рассказ.

Но чуть на грани земли и неба зеленоватый мелькнет рассвет,  
Колодец меркнет, и лишь по краю – росинкой влаги белеет след.

## ВСЮ ЖИЗНЬ

Всю жизнь служил я Богу Сил,  
Проплыл моря и океаны,

Окрасил Солнцем звон кадил,  
Молитв расчислил караваны.

Под серполикою Луной,  
В бессмертных жатвах соприсущей,  
Я обручился с тишиной,  
Всегда безмолвием поющей.

Я предпочел средь всяких стран  
Одну, где все мы – кровью верим,  
Весна в ней – яркий сарафан,  
А осень – многоцветный терем.

В ней лето – пламенный пожар,  
Душа в ней – песня, даль разбега.  
В ней разгадал я тайну чар,  
Внимая белой сказке снега.

Поняв, что лучше не найти,  
Чем мне дарованная Богом,  
Примкнул я пыльные пути  
К речным серебряным дорогам.

Прошел я древние леса,  
Псалмы расслышал в птичьей гаме,  
Пропел, как дышит полоса  
Земли, где кашка с васильками.

Часами медля близ межи,  
Не сыть и белозернь пшеницы,  
А чернохлебный колос ржи  
Я полюбил в игре зарницы.

Пустил пастись табун коней  
В лугах, где свежая прохлада,  
По всей округе светлых дней  
Берег разбродчивое стадо.

Я ничего не потерял  
Из воспрнятого наследства,  
И ныне возношу фиал  
За правду юности и детства.

Всю жизнь я славлю Бога Сил,  
Отца и мать и край родимый,  
И я костер не погасил,  
Чей к небу огонь, и к небу дымы.

СЧАСТЬЕ

Я ехал полем ячменя,  
Во мгле рассветной конь мой сивый,  
Легко подрагивая гривой,  
Легко подковами звеня,  
Тем звуком радовал меня.  
Я был усталый и счастливый.  
Я слышал, как вблизи, вдали,  
Поют, скрипят коростели.  
И теплый ветер, тиховойно  
Коснувшись до моей щеки,  
Качался по колосьям змейно,  
И мчался дальше, до реки,  
Речные целовать цветки,  
Застывшую качнуть купаву,  
И дымку колебать, оправу  
Зеркальной глубины, где в воде  
Еще плыла звезда к звезде.  
Я задержал коня. Безгласно  
Короткую впивал я ночь.  
И счастье в сердце пело страстно  
Псалом любви, такой точь-в-точь,  
Как этот вскрик коростелиный,  
Где близь зовет, и слышит даль, –  
Как ветер, что речной ложбиной  
Под закачавшейся лозиной,  
Ведет и серебро и сталь, –  
Как звезды редкие, что, тая,  
Бросают вниз бессмертный зов, –  
Как гул предутренних лесов,  
Где встала жажда голосов, –  
Как белый конь, что чутко дышит,  
Затем, что сердце сердце слышит,  
И чует человек коня, –  
Как зыбкий колос ячменя,  
Зеленый волос свой качая,  
И колос дружеский встречая,  
Прияв зеленого огня,  
Поет про жизнь, рассвета чая,  
И сон земли в зерно гоня.

## ГАРМОНИЯ ГАРМОШКИ

Я люблю гармошки пьяной  
В явном вскрике тайный бред.  
Зимний вечер. Час багряный.  
Ткань загадок и примет.

Нет ни звука, нет ни шага,



Нет снежинки без того,  
Чтоб не вспыхнула отвага  
В том, кто любит торжество.

Этот Месяц тонкорогий,  
Слева слезы, справа смех,  
Мне, идя своей дорогой,  
Обещает он успех.

Я его увидел прямо  
В выси нежно-голубой.  
Знаю я, что и без храма  
Обвенчаюсь я с тобой.

Ни тебе, ни мне не нужно  
Обручальное кольцо,  
В час, как с ветром я содружно  
На твое взойду крыльцо.

Разве ты не усмехнулась  
В миг, когда я был певуч?  
Разве шатко не качнулась  
Тень, бегущая от туч?

Разве заяц в снеге белом  
Сказку нам не наследил?  
Разве царственным пределом  
Не проходит хор светил?

Разве буйная гармошка  
Не пропела в ночь рассказ,  
Что умеем мы немножко  
Брызнуть вечностью в наш час?

## КУКУШКА

Двенадцать раз прокуковала  
Кукушка в полночь октября.  
Я это говорю не зря,  
Тут чуда вовсе не бывало,  
Но все же был я рад немало,  
С тем звуком сердцем говоря.  
Кукушка звонко куковала  
Лишь у соседа на часах.  
А я душою был в лесах,  
Захваченных певучим маем,  
И утешался крепким чаем,  
И тем, что в скромных погребах,  
Верней, в шкафу, в моей столовой,

Еще бутылка рому есть.  
Она поможет мне прочесть,  
Сплетенную родной дубровой,  
Далеких дней живую весть.

Я, не замедлив, отметаю  
Возможность легкой клеветы,  
Что у вина я, в песне маю,  
И вдохновенье занимаю,  
И дар играющей мечты.  
Нет, это с детства мне знакомо,  
И больше, чем ордам певцов,  
Прошу прощенья, я таков.  
Но все же две-три рюмки рома  
Мне ощущение дают,  
Что я еще в России, дома,  
И что возможен там уют.

Вздыхает ночь под липой старой,  
Поют лягушки у пруда,  
И кто-то звучною гитарой  
Крепит напев свой струнной чарой.  
А в небе яркая звезда  
Гласит, мерцая и блистая,  
Что в мире радость молодая  
Не умирает никогда.  
Я четко вижу все родное.  
Луны белеет полоса,  
И васильков цветет краса,  
И поле царствует ржаное,  
И поле шумного овса.  
Какие пастбища и нивы!  
Какие пышные леса!  
В них океанские разливы,  
И звонких песен голоса.

«Бог помочь!» – радостное слово.  
И падает тяжелый цеп,  
Легко взлетает в воздух снова,  
Работа, радость, теплый хлеб,  
И соты липового меда,  
И добрый взор в ответ на взор.  
Круговорот живого года,  
И звезд осенних разговор  
О том, что с самых давних пор,  
От детства нашего у Бога,  
Все знаем в тайне сердца мы,  
Что к свету нас ведет дорога,  
А не путями жадной тьмы.

Лесная нежная опушка,  
Моя далекая весна.

Скажи мне, вещая кукушка,  
Надолго ль жизнь мне суждена?  
Кукушка вдруг прокуковала,  
Один прокуковала раз.  
Но это значит, пробил час.  
А если б, мне пропев так мало,  
Она лишь год провозвещала, –  
Как был бы рад я, наконец,  
Что из разъятого обрыва,  
От каменеющих сердец,  
Уйду туда, где дышит нива  
Иного, звездного налива,  
Где сеет Звездный мой Отец.

## ОАЗИСЫ

Я развернул играющие ткани.  
Египет с Вавилоном мне ковры.  
Китай, Аннам – лучистые шары.  
Эллада, Троя, Крит – в огнетумане.

Вот Индия, чей взор как очи лани,  
Созданье зимоблещущей горы.  
Арабия, пустынные шатры.  
Ниппон далекий, сад на Океане.

Где творческая воля, – там мой стан.  
Где достижение, – грезой там колдую.  
Люблю весну творяще-молодую.

Расцвет цветка и звон пчелы медвян,  
Но правду где сполна найду людскую?  
Не знаю. И люблюсь. И тоскую.

## РЕЧНОЙ ДУХ

Душа Египта – ход могучий Нила,  
Разлив бегущий вниз от Сильсилэ.  
Египет – храм, взнесенный на земле,  
Что строила реки священной сила.

Так Ганга с Джумной слившаяся вила  
Взнесла чертог, где Солнце на челе.  
Грань Зимогор, вздымаясь в лютой мгле,  
Копя снега, их влагой разрешила.

Так Волга укачала всех славян,  
В былине дней разгульно-молодая,  
Гадая в снах и в песне пропадая.

Но волжской волей, влагой Волги пьян,  
Дойдя туда, где Персия золотая,  
Умеет Скиф одно: курить кальян.

## КАЛЬЯН

Дымок лазурный – ткань минутный риз  
Развееется, и снова греза строит.  
Диван с ковром цветистым дух покоит.  
Не вечно вверх, взгляни, душа, и вниз.

Здесь соловей в веках, поет Гафиз.  
Гаканий спит. Саади песнь удвоит.  
Люби любовь. Любить печаль не стоит.  
Лишь в поцелуе все умы сошлись.

В моих владеньях розы на просторе.  
В моих покоях сонмы черных глаз.  
Не смотрят джинны в светлый мой рассказ.

Любовь и Смерть – в содружном разговоре.  
Одна другой дарует яркий час.  
Здесь розы, розы, розовое море.

## ВЕРБЛЮДЫ

Прошли караваном верблюды, качая своими тюками.  
Нога на широком копыте в суставе сгибалась слегка.  
Изящна походка верблюда. Красивы верблюды с горбами.  
И смотрят глаза их далеко. Глядят на людей свысока.

Когда же достигнут до цели, мгновенно сгибают колени.  
Как будто свершают молитву с сыновним почтеньем к земле.  
Недвижны в песках изваянья. На золоте красные тени.  
Вот выбрызнут звезды по небу, ожившие угли в золе.

## РЕДКИЙ ЦВЕТОК

Редкий цветок в отдаленной стране.

Сердце его – голубое.  
Сам золотой он на стебле-струне.  
Весь он – как солнце слепое.  
Сердце его – голубое как глаз.  
Только лазурное око  
Смотрит цветочным зрачком не на нас,  
Недостижимо – высоко.  
Видит ли, чувствует ли, помнит ли он,  
Тайное все, что там было?  
Синий излился в него небосклон,  
С нами неслитая сила.  
А лепестки золотые, они  
Глаз не имеют, сияя.  
В них раскалились не наши огни  
Светят от мая до мая.  
Видит ли Солнце, кого оно жжет,  
Видит ли, что им согрето?  
Помнит ли птица верховный свой взлет  
В час, когда ночью одета?  
Редкий цветок из далекой страны.  
Ты мне понятен – в июне:  
Все мои мысли тогда – влюблены,  
Весь я душой – накануне.

## ОБРУЧ

Опрокинутый в глубокую воронку Преисподней,  
Устремляя вверх из бездны напряженное лицо,  
Знаю, мучимый всечасно, что вольней и благородней  
Быть не в счастье, а в несчастье, но хранить свое кольцо.

То, единое, златое, ободочек обручальный,  
Знак обета нерушимый, связь души моей с мечтой,  
Обещание немое, что не вечность – мгле печальной,  
Я вокруг пальца обращаю путь до Неба золотой.

Я тихонько повторяю имя нежное Единой,  
Той, с кем слит я до рожденья, изменить кому нельзя,  
И прикованный к терзаньям, и застигнутый лавиной,  
Видя тонкий светлый обруч, знаю, к выси есть стезя.

Так. Не Адом я захвачен, не отчаяньем палимый.  
Капли с Неба упадают в глубь Чистилища до дна.  
И, пройдя круги мучений, минув пламени и дымы,  
Я приду на праздник Солнца, просветленный, как весна.

## РЕСНИЦЫ

На глаза, утомленные зреньем, опусти затененьем ресницы.  
Разве день пред дремотой не стелет над землею по небу зарю?  
Разве год пред зимой не бросает по деревьям пролет огневицы?  
Разве долго не кличут к раздумью – журавлей, в высоте, вереницы?  
Разве совесть в свой час не приникнет с восковою свечой к алтарю?  
Мы прошли тиховейные рощи. Мы прочли золотые страницы.  
Мы рассыпали нитку жемчужин. Мы сорвали цветок медуницы.  
Усмиришь, беспокойное сердце. Я костром до утра догорю.

## КОСТРЫ

Вы все возникали случайными,  
Кострами горели в лесу,  
И мысль, расцвеченную тайнами,  
О вас – через жизнь я несу.

И та ли, с глазами несмелыми,  
Как пепел под тленьем огня, –  
И та ли, которая белыми  
Плечами пленила меня, –

И та ли, что сказкой маячащей  
Мне снилась и снится теперь, –  
И та ли, что осенью плачущей  
В мою постучалась дверь, –

И та ли, что зыбкими взорами  
Манила, шепча мне: «Не тронь!» –  
И та ли, – их много, – с которыми  
Я мысль опрокинул в огонь, –

В плавильне единою лавою  
Сверкают и золото и медь, –  
Единственной славы мы славою,  
Уменьем гореть и сгореть.

## ЛЮБОВЬ

Любовь. Любовь. А что она такое?  
Мы говорим «Люблю», не понимая,  
Не зная, не предчувствуя, какая  
Влечет нас властно воля в мировое  
Жерло.

Быть может, там мы золотые слитки  
Найдем себе, алмазы ожерелью,  
Быть может, взяты огненной метелью,  
Мы встретим чудищ, странных змей в избытке,  
Лишь зло?

Но мы идем, и никакая сила  
Не явится препятствием хотенью,  
Дойдем к мечте хоть сонной грезой, тенью,  
И разве Смерть когда остановила  
Мой взлет?

Я умирал. Не раз. Давно. Когда-то.  
Я вновь живу. Хочу. Исполнен рденья.  
Нет меры, нет преграды для хотенья,  
И снова звуком кровь моя богата,  
Поет.

## ПОЛДЕНЬ

Высокий полдень. Небо голубое.  
Лик ястреба, застывшего вверху.  
Вода ручья в журчащем перебое,  
Как бисер, нижеет звонкий стих к стиху.

Среди листвы умолк малейший шепот.  
Мир солнечный, а будто неживой.  
Лишь издали я слышу спешный топот,  
Куда-то мчится вестник верховой.

Откуда весть? Из памяти давнишней?  
Быть может, час – обратный начал ток?  
Я сплю. Я мертв. Я в этой жизни лишний.  
В гробу сплетаю четки мерных строк.

Но, если я навек живыми, ныне,  
На дальней грани жизни позабыт,  
Ко мне стремится тень былой святыни,  
И ближе, ближе звонкий стук копыт.

## БОГОМОЛКА

К нам приходила богомолка,  
Чтоб ночевать и снова в путь,  
Как будто маленькая пчелка  
К нам залетала отдохнуть.

Она была совсем юница,  
Земных узнала мало дней,  
Но роковая огневица  
Вонзила жало в сердце ей.

Но, сердцем воспринявши жало  
И в черный кутаясь платок,  
В свой юный дух она впускала  
Лишь светлый дум и чувств поток.

Весь лик ее был лик счастливый,  
Улыбка добрая была,  
Как от цветка пасхальной ивы  
К нам прилетевшая пчела.

Всем в доме было так привольно  
Смотреть на милое лицо.  
И вот, простившись, богомольно,  
Она ступила на крыльцо.

Она, ища свой звонкий улей,  
Исчезла в солнечных лучах.  
А в пламенеющем июле  
Гроза сгущалась в небесах.

## ТОПЬ

В сквозном теченьи мглы трясины вязки.  
Как призраки болотные кусты.  
И греза тклет слова бессвязной сказки  
Из шепчущей давнишней слепоты.

Цветут цветы, склоняясь к влажной яме.  
В прудах мерцает между кочек медь.  
Здесь спит, прикрыв цветными лоскутами,  
Безглазый дух, желающий прозреть.

## НОЧНОЕ ГУЛЬБИЩЕ

Воркует воркованьем беса  
В ночи голодная сова.  
Из мглы кустов, из глуби леса,  
Роятся шаткие слова.

Собрались в зыбкое кружало



Тринадцать шепчущих осин.  
Слагают сказку без начала,  
И без конца рассказ былин.

А сторонясь большой дороги,  
Косится в ветках острый зрак,  
И Леший, вывернувши ноги,  
Из сосен вьет себе колпак.

## ЛЕШИЙ

Тропинкой лесною  
Иду я один,  
Но Леший за мною  
В лесу властелин.  
Зареял, задеял,  
Косматый, сырой,  
Мечту мне обвеял  
Зеленою мглой.  
Он пляшет и машет,  
И пляс его – скок,  
Все небо распашет  
Взметнув уголек.  
Забросил он шапку,  
И облако – вот,  
Туманов охапку  
Швырнул в небосвод.  
И серые сохи  
По небу пошли  
Глубокие вздохи  
От целой земли.  
Туманные глыбы,  
С застывших болот,  
Как длинные рыбы,  
Плывут в небосвод.  
Он свистнул по лесу,  
Деревья – как хор,  
Качают завесу,  
Зеленый убор.  
Где небо, не знаю,  
Не знаю, где лес.  
Иду я по краю  
Гремящих чудес.  
И красные птицы  
Собрали совет,  
И брызжут зарницы  
Рассыпчатый цвет.  
И Леший хохочет,  
Услышавши гром,

Хлестнуть меня хочет  
Своим рукавом.

## КАЖЕННИК

Я каженник, я лешим обойденный.  
Лукавый шут с зеленой бородой  
Обвевял вихрем. Стал мой разум сонный.  
И сел я над недвижною водой.

Идти? Искать? Напрасная забота.  
Дорога приведет меня кругом  
Сюда же, где зацветшее болото  
Где лешачиха бродит с лешаком.

Они смеются. В их глазах раскосых  
Качается лесная темнота.  
Потупя взор, ищу в вечерних росах:  
Быть может, там засветится мечта?

Кто я? Где я? И сам теперь не знаю.  
Я позабыл, где мой родимый дом.  
Гул уханья идет от края к краю.  
И есть ли край? Бескраен лес кругом.

Вдруг захохочет, вдруг заплачет кто-то.  
Идет мужик с котомкой. Где мужик?  
Лиса в кусте. От сонного болота  
Восходит пар. И выпи слышен крик.

Мне все лесное знахарство знакомо.  
Я сам – другой. Я светлый, молодой.  
Но я не тот, которым был я дома,  
Я стыну над болотною водой.

Здесь воздух лишь бесовским действием тешим.  
Звук мягких лап, и зверь до зверя шасть:  
Играет в карты Леший с младшим лешим  
На зайцев, чтобы гнать их волку в пасть.

## ОКОЛДОВАННЫЙ

Огулял меня Леший в лесу,  
Очертил меня знахарь зеленый.

Чуть увижу небес полосу,  
В оба уха бросает мне звоны.

У деревьев закидистый звон,  
Не похож он на наш колокольный.  
Кто захвачен, качается он,  
Над самим над собою не вольный.

Я направо качнусь – и стою,  
Я налево качнусь – и блуждаю.  
Разрешит ли кто участь мою,  
Иль прикован к лесному я краю?

Я к стволу – и хлестнула сосна,  
Я к другому – слепит меня ива.  
И лесная звонит глубина,  
И травинки звенят торопливо.

Я скрепился, иду напролом,  
Муть с ветвей, из зеленых кропилен.  
Я очнулся в болоте немом,  
Только сзади мне ухает филин.

2

День ли? Ночь ли? Что же это?  
К кочке с кочки шаткий путь.  
Пламя заревного цвета.  
Не пожар ли где-нибудь?

Нет, мгновения считая,  
Месяц высчитал свой час.  
Не луна взошла золотая,  
А огромный красный глаз.

Круглый, огненный, кровавый,  
Перемешан с тусклой мглой.  
Свет неверный и лукавый  
Над болотную землей.

Все же вижу, точно сонный  
Из далекого окна,  
Как дрожит уединенный  
Слой над жижей зыбуна.

Этот слой травы на глыбе,  
Недоступной для ноги,  
Точно зверь, что всплыл из зыби,  
Хочет глянуть, где враги.

На спине его шерстистой

Проступает седина.  
Весь он, мшистый и сквозистый,  
Явно с дьявольского дна.

Грязно-серый кустик вьется,  
Это пьяная трава,  
Что бесплодницей зовется,  
А сама всегда жива.

Вон звездится звездоплавка,  
Лихорадочный просол,  
Вон скрипучка, вон удавка,  
Вон хомячий усокол.

Дымно-чахлый встал раkitник,  
Змееглаз глядит, шурша,  
И расцвел белокопытник,  
Двоелистная душа.

Шаткий мир, где все изнанка,  
Не найдешь нигде лица.  
Но явилась Болотнянка,  
Дочь болотного отца.

В царстве зыби мудроженка,  
Змееперевязь на лбу.  
Подошла, смеется тонко  
И велит мне жить в гробу.

Вся болотная могила  
Заходила ходуном.  
Без церковного кадила  
Венчан я с болотным дном.

3

Я узнал, как дышат корни всех растений,  
Я узнал, что в топи, на болотном дне,  
Летопись хранится тысяч лет, ступени  
Храмов, восходящих к синей вышине.

И когда вверху, в цвету, шумят деревья,  
Я, упавший в глубь глухого зыбуна,  
Знаю, что мое болотное кочевье  
Сменится другим, – и песня мне слышна.

ЦАРЬКИ ЛЕСНЫЕ

Царьки лесные, они смешные, они чудные, как угольки,  
Тут засмеются, там обернутся, и вдруг зажгутся поперек реки.  
Вернутся в глуши, наденут лики, на каждом важен его убор.  
Один – как травка, другой – пиявка, тот – птичка славка, тот – мухомор.  
Тот землемером скользит по листьям, складной аршинчик зеленый он.  
Листок измерить – большое дело, во всем есть мера, везде закон.  
А та ведунья, что в даях луга, ширяя, смерит всю ширь лугов,  
Хоть не супруга, но все, летая, она подруга лесных царьков.  
А та – из стаи немых пророчиц – вся в сарафане из серебра.  
Зовут рыбешкой, зовут плотицей, зови царицей, давно пора.  
И не подумай, что две улитки свои засидки замедлят зря.  
Слюнявя тропку, они слагают псалмы во славу и в честь Царя, –  
Того, чьи слуги – царьки лесные, кем жив зеленый испод листа,  
Кому хваленье, благодаренье, и вознесенье, и высота.

### ОЩУПЬ

Всеохватная ощупь зеленой листвы,  
Познающей всю сущность и ветра и света,  
Сребровлаги Луны, солнцепьяного лета,  
Бесконечности звезд по морям синевы, –

Нет, не слон-исполин, не горячие львы  
Говорят о великой стезе мирозданья,  
А былинка одна, зыбь ее расцветанья,  
И всемирная ощупь растущей листвы.

### НОЧНОЙ ПУТЬ

Как тень, бродил я по болотам,  
Как дух, по выгибам речным.  
Шептали, зыбясь, травы: «Кто там?»  
Но дальше я скользил, как дым.

Я измерял лесные ночи,  
Где, в сгустках, голубая даль  
Упала в цвет, чье имя – очи  
Души, которой мира жаль.

Над голубым цветком склоненный,  
Я долго плакал в тишине,  
И снова в путь, замороженный,  
Смотреть, что видит мир во сне.

Везде – мои места родные,  
Овраги, рощи и поля.

Качались листья вырезные,  
Свой пересказ упорный для.

Сполна я видел лик растений,  
Чей знал лишь облик в беге лет.  
Есть час для беспокойной тени,  
Когда любой ей внятен бред.

Вот аир, с корнем горьким, пряным,  
Острийный стебель желобчат,  
Болотным вскормлен он туманом,  
В нем спит растаявший закат.

По смиренным водным перекатам,  
В затонах, где как бархат, ил,  
Разгульник с корнем волосатым  
Свой белый войлок распустил.

Вон жабник там белошерстистый,  
Вон ядовитый корень жгун,  
Дымянка, кончик дымно-мглистый,  
А венчик розовато-юн.

Загадка, цветик сероватый,  
Шершавый стебель туг и прям,  
Его посеял бес косматый,  
Ресницы прилепил к листкам.

С лицом щетинистой угрозы,  
По склону – жесткий кривоцвет.  
В чуть видных волосках – занозы  
И распалющийся бред.

Любимец теплых дней в июне,  
Но любящий расти в тени,  
На перелеске цвет колдуний,  
Сорвешь, покой свой прогони.

Я вижу, как за соловьями  
Следит округлый зрак совы,  
Я наклоняюсь к волчьей яме,  
И снова жажду синевы.

От многоцветных узорочий,  
От стебля острого, как сталь,  
Иду к цветку, чье имя – очи,  
Души, которой мира жаль.

Считаю, сколько на погосте  
Еще крестов, еще могил,  
И ведаю, что все мы – гости  
На пиршестве не наших сил.

## ХЛЕБНЫЙ КОЛОС

Хлебный колос, молча сжатый,  
Совершенный знанья знак.  
В нем громовые раскаты  
Пали с влагой в тихий мрак.

Собеседованье дружных,  
Шлющих быстрый знак, зарниц.  
Лепет шелестов жемчужных,  
Мысль, клонящаяся ниц.

Дух, который вечно падок  
Мчатся молнийным огнем,  
Чтобы мост округлых радуг  
Взвить на миг над синим днем.

Мысль о жертве неизбежной,  
Мерный холод лезвия.  
Стебель стройный и прилежный,  
Корень с радостью тканья.

Мысль, что в звездной многозерни  
Дышит вечное добро,  
Как на стали, в лике черни,  
Торжествует серебро.

Жажда здешних малых зерен  
Пасть в провалы темноты,  
Чтоб возник, нерукотворен,  
Колос, нежащий цветы.

Чтобы пыльное цветенье,  
Со звеном сливав звено.  
Взвилось пышный гроздь растенья,  
Полновесное зерно.

Путь великих превращений,  
Власть умершего зерна  
Встать в лучах преображений,  
Быть вершиной после дня.

Хлебный колос, молча сжатый,  
Я завет лелею твой,  
Что громовые раскаты  
Встанут жатвой вечерной.

## В СИНЕМ ЦАРСТВЕ

Там, в Синем Царстве, за морями,  
Где тучки на ночь строят стан,  
Я у Царь-Змия побыл в яме,  
Змеиный разгадал обман.

Там все не так, там все иное,  
Все на-двое, и все одно.  
Лишь днем блуждает там дневное,  
Как ночь – ночное там черно.

С зарей там смех и свет повсюду.  
Кровавый бой. Но бой – игра.  
И нет конца густому гуду  
От золота и серебра.

Гремят там тучи только ночью,  
Лишь полдень – огненным громам.  
Всему дневному узорочью  
Лишь свет – дворец, лишь Солнце – Храм.

А если молния захочет  
Промчаться в Синем Царстве днем,  
Себя пером всю оторочит,  
Летает Птицею-Огнем.

От этой пламенной Жар-Птицы,  
Чей дом – не здесь, чьи игры – там,  
Последним откликом зарницы  
В июле, в ночь, доходят к нам.

А там, а там, а там, далеко,  
«Ату! Ату его!» крича,  
Несется всадник вдоль потока,  
За зверем скачка горяча.

Но, доскакавший до порога  
Садов из яблонь золотых,  
Я не убью единорога,  
А пропою ему мой стих.

Не убивают, убивая,  
Там, в Синем, где играют в бой,  
Моя невеста, вновь живая,  
Встает, обрызгана водой.

Опять веселый я и юный,  
Хоть смерть за мною по пятам.  
Я вновь, Баяном, зыблю струны,



И славлю ласковое Там.

Там, на вечернем водопое  
Увидеть можно жеребца,  
Который в самом лютом бое  
Проскачет поле до конца.

И там заржет призывный голос,  
Так грянет перестук копыт,  
Что снова прям пригнутый колос,  
Проснулся тот, кто смертно спит.

Я в грозном Там. Орлы под дубом  
Клекочут. Змеи по горам.  
Он в раздражении сугубом,  
Царь-Змей, властитель черных ям.

Он за железным частоколом,  
Хитро хвостом ударить рад  
И, черепом качая голым,  
Смарагдовый хранит он клад.

Но я нашел дорогу к Змею,  
Я заглянул в морскую глубь,  
Копьем я пламенным владею,  
И конскую я знаю ступь.

И ту, которая всех краше,  
Возьму. Мне будет жребий дан.  
Мед буду пить из полной чаши.  
Я в Синем Царстве Еруслан.

## СЕМЬ КОНЕЙ

У меня есть конь каурый,  
Чарый конь и светло-бурый,  
Белый конь и вороной,  
Быстрый, точно дух ночной.  
Но, быть может, самый страстный  
Конь горячий, конь прекрасный  
С длинной гривой разливной,  
Тот, что пляшет подо мной.  
В дни, как час идет опасный,  
Силы жаркой, масти красной.  
Быстрый, точно мысль весной.  
Как, по царственному краю,  
Что дарован мне Судьбой,  
Я скачу, коней меняя,  
Каждый скоком ходит в бой.

В этой жизни, часто хмурой,  
Я иду скорей к коню,  
Подо мною конь каурый,  
Или бурого гоню.  
Если в грусти я усталой,  
Или мысль меня слепит,  
Звонко крутит конь мой чарый  
Перестук своих копыт.  
Если в чуждые пределы  
Я хочу идти войной,  
Подо мною конь мой белый,  
А быть может, вороной.  
Если сердцем в жажде страстной  
Нежных я ищу оков,  
Мчит сверканье конь мой красный  
Четырех своих подков.  
Так живу неутомимо.  
А когда сгорю в огне,  
Быстро взрею в царство дыма  
Я на солнечном коне.

## БОГИ

По небу багряное льется вино.  
Весь день пировали высокие боги.  
Упились. Устали. Уж ночь на пороге.  
И плещут из чаш, запрокинувши дно.

Что Индре с Перуном! Что Одину с Тором!  
Им бражничать только с зари до зари.  
А мы воздвигаем им здесь алтари,  
И вяжем с богами себя договором.

Но боги не помнят обетов своих,  
Они веселятся в лазоревом небе.  
Когда же, упившись, устанут, их жребий –  
Запевкой войти в торжествующий стих.

## ПЕРУН

Перун! Перун! Перо орла  
Тебе я добыл в приношенье,  
Щиты из меди – зеркала,  
И благовонный дым сожженья.

А ты,дохнувши от древес,

Испив мой пламень красно-синий,  
Дозволь, чтоб взвился до небес  
Мой вспев орлиный над пустыней.

## СКИФЫ

Мы Скифы, мы птицы, веселым  
Полетом летим по степям,  
Славяне, мы братья Монголам,  
Как вяхирь, он брат голубям.

Как весел крылатый с крылатым,  
Как ястреб зовется орлом,  
Когда по лазоревым скатам  
Он длинным провеет крылом.

Хмелеющим, лающим стаям  
Так любо за зверем бежать,  
Как мы, захмелев, улетаем,  
Нам воля – родимая мать.

Отец наш зовется простором,  
Нам ночь в многозвездность сестра,  
Нам ветер, летящий над бором,  
Поет, что скитаться пора.

От моря пролет наш до моря,  
От Волги летим Иртышом,  
Свое отдаем мы, не споря,  
Чужое берем мы ножом.

И тут же, упавши в недолю,  
Мы никнем до самых низин,  
Безгласные ходим по полю,  
Сто тысяч вспахав десятин!

Бросаем безмерные глыбы  
Руды златоносной в века,  
В лесные влечемся изгибы,  
И молится – нами – тоска.

Глубокая – наша криница.  
Загадочен в горе наш вид,  
Но нам в лихолетье Жар-Птица  
О чуде поет – и летит.

## НЕРУШИМЫЙ

Как, топя ладью, косматый,  
Вверх вскипает в море вал,  
Нечестивый лютый Батый  
Шел на Русь и воевал.

Ветер любит виться, воя,  
Малый ветер вихрю брат.  
Так разгульностям разбоя  
Всяк Татарин сердцем рад.

Грады, веси разоряли,  
Пожигали их огнем.  
Плачьте, женщины, в печали,  
Плачьте ночью, плачьте днем.

В сердце русском плач великий,  
Бродит горе, как туман.  
Только враг широколикий  
Узкоглазый, сыт и пьян.

В храмах Божьих слышно ржанье,  
Стук копыт и храп коней.  
На крестах церквей дрожанье  
Дальних зарев и теней.

Но в молитвенном восторге,  
Сердцем тверд, хоть ратью мал,  
Благоверный князь Георгий  
В древний Китеж побежал.

Вплоть до озера лесного,  
Что зовется Светлый Яр,  
Бился снова он и снова,  
Вражий крепче был удар.

Но когда, как зверь мохнатый,  
Как бормочущий медведь,  
Навалился лютый Батый,  
Чтобы Русью овладеть, —

В свете, полном ослепленья  
Для зениц толпы чужой,  
Князь Георгий, как виденье,  
Скрылся в глуби озерной.

Скрылись храмы, скрылся Китеж,  
Глубь прияла прежний вид.  
Нет, о Батый, не похитишь,  
То, что Светлый Яр хранит.

И текут как прежде реки,  
Китеж древний нерушим.  
Но различны человеки,  
И не всякому он зрим.

Тот, чей дух живет лукаво,  
Кто ни в чем душой не весь,  
Мыслит влево, мыслит вправо,  
Место пусто видит здесь.

Кто с умом нераздвоенным,  
С верой жаркою в груди,  
К этим водам осребренным  
Ранним утром приходи.

Жив на дне он, храм подводный,  
Служба в храмах там светла,  
И о правде всенародной,  
Чу, поют колокола.

## СЛОВО О ПОГИБЕЛИ

Ты снишься мне в дыме,  
Увита осоками,  
Волчцами зубастыми,  
Одета в поля.  
С горами крутыми,  
С холмами высокими,  
С дубравами частыми,  
Родная земля.  
С богатством раздолий  
Зверей несосчитанных  
И птиц неуловленных,  
И рек, и болот.  
Кто хочет ли воли,  
Путей неиспытанных.  
Собой лишь условленных,  
Он все здесь найдет.  
Взгляни только в сердце,  
Расстанься с воротами,  
Тоску вороватую  
В вине утопи.  
Забудь иноверца,  
Не майся заботами,  
И птицей крылатою  
Маячь на степи.  
О, горе мне. Сплю я.  
Мне все представляется  
Мельканьями сонными.

Я в мире не в счет.  
Лишь полночь, ликуя,  
За мысли цепляется,  
И дождь разнозвонными  
Струями течет.

## ЦВЕТНАЯ ТРОПА

Жужжанье мухи, в знойный час, в июле,  
Коснулось тайн, как звонкая струна.  
Уток мечты, цветная пелена,  
Ведет туда, где дали потонули.

Первичность дней, в их красочном разгуле.  
Колодец снов весь просветлел до дна.  
Там мать, отец, там жизнь, там брат, жена,  
Там дочь, там все, как звуки в дальнем гуле.

Я медленно иду в тени аллеяй.  
Мне иволга поет о царстве сада.  
Молебен ликов каждый миг светлей.

Глубинному душа извечно рада.  
Дрема поет, что больше жить не надо.  
Раскрылась Вечность. Даль зовет. Я в ней.

## Я СЛЫШУ

Я слышу гуд тяжелого шмеля,  
Медлительный полет пчелы, несущей  
Добычу, приготовленную пущей.  
И веет ветер, травы шевеля.

Я вижу урожайные поля.  
Чем дальше глянь, тем всходы видишь гуще.  
Идет прохожий, взор его нелгущий,  
Благой, как плодородная земля.

Я чую, надо мною реют крылья.  
Как хорошо в родимой стороне! –  
Но вдруг душа срывается в бессилье.

Я слышу, вижу, чувствую – во сне.  
И только брызг соленых изобилье  
Чужое Море мчит и плещет мне.

## НЕБЕСНЫЕ

Ты яруешь, огнеликий Яровит.  
Для тебя венец из молний в тучах свит.  
Пред тобой в тени нависнувших бойниц  
Расстилаются ковры немых зарниц.

Над коньком твоих приземистых палат  
Расстлана по ветру желтый плат.  
По чертогам голубым и золотым  
То густеет, то редеет синий дым.

То копьём своим ударишь в медный щит,  
Осыпается на башне малахит.  
Спустишь звонкую стрелу от тетивы,  
Сыплешь золотом на землю с синевы.

И в твоей опочивальне есть кровать,  
Лишь Громовнице в ней Деве почивать.  
В час как тешишься в постели с ней вдвоем,  
Брызнув молнией, баюкает вас гром.

И над каждым тут оконцем петушки  
Певчим горлом манят книзу ток реки.  
Каждый с крыльев светит красное перо,  
И течет на землю сверху серебро.

## ВЕСТНИК

Один осенний желтый лист,  
Овалом малым своего объема,  
Пропел глазам, что кончен праздник грома,  
Что Молнецвет уж больше не огнист.

Отцвел цветок небесный. Воздух чист.  
И ласточки, садясь на кровлю дома,  
Поют, что им и Африка знакома,  
И Океан, и в крыльях бури – свист.

Конец всему, что кратко в жизни вольной,  
Что любит, что целуется, поет,  
А длинному как мгла ночей – черед.

Опустошенный шар – тоске раздольной.  
Вожак-журавль, свой клюв стремя вперед,  
Повел сквозь синь свой табор треугольный.

## ЛЕБЕДИНЫЙ СЛЕТ

Скликались лебеди на Лебедином Слете.  
Лесное озеро, в осенний свой черед,  
От звонких криков их как в час весны живет.  
Но мысль прощальная в лесах, в их позолоте:

Плывут крылатые. На каждом повороте  
Красавца белого – сияющий налет,  
На синем зыбится, по бирюзе плывет.  
Там – обруч серебра на голубом намете.

Светило осени похоже на Луну.  
Испили золото июль и август знойный.  
И золото вошло в сквозную пелену

Листвы, желтеющей громадой беспокойной.  
Последний звучный вскрик, и взвился в вышине  
Весь белый полукруг, мерцающий и стройный.

## СЕНТЯБРЬ

За утром преждевременно студеным  
Июльский полдень в полдень сентября.  
В лесах цветет древесная заря  
Рубиново-топазным перезвоном.

Чу! Гончие бегут лесистым склоном,  
Разливным лаем зайцу говоря,  
Что косвенным прыжком метаться зря,  
Что смерть прошла над тайником зеленым.

Обрызган охрой редкий изумруд.  
Шафранные ковры затрепетали,  
И лисьим мехом выкрасились дали.

Излом всех линий в сети веток крут.  
«Туда! Туда! Ото всего, что тут!» –  
Отчаливая, птицы прокричали.

## ОСЕННЯЯ



Оса осенняя, жужжащая так звонко,  
Согретая лучом горячим сентября,  
Как будто летних дней опять пришла заря,  
Меня уводит к снам и радостям ребенка.

Прозрачная, в душе, сверкнув, порвалась пленка,  
И звоны многих крыл, со мною говоря,  
Дают мне чувствовать, что прожил я не зря,  
Что башенный мой взмах вверху сияет тонко.

Ты, черно-желтая, чья талия тонка,  
В чьих крыльях страсть не раз прерывно задрожала,  
Ты, вся – мелькание цветного огонька, –

Я рад, что миг один ты близ меня дышала,  
О, стройность легкая, чей лик хранят века,  
В свою утонченность включающая жало.

## ПРЕОБРАЖАЮЩИЙ

Тяжел, как неповторные покровы,  
Воздушен, как венчальная фата.  
Всех красок, в белом, скрыта красота,  
За сном порханья – сон покоя новый.

Он светлою является основой,  
Чтоб был расцвет и травки и листа.  
В нем свежая недвижная мечта,  
В нем лик двойной, и нежный, и суровый.

Как ныне с ним желанен стал ночлег.  
Как хороша звенящая минута,  
В защите комнат, в тишине уюта.

Как звучен скрип железа, легкий бег.  
И конь, храпя, повертывает круто  
В ворота, изукрашенные – в снег.

## ПЕРВОЗИМЬЕ

Свертелся заяц в поле чистом,  
Беляк, на белом белый жгут.  
Мигает хвостиком пушистым,  
Сигает там, мелькает тут.

Он сказку заячью следами

На первом снеге начертил,  
И шерк обмерзлыми кустами,  
И прыг в свой терем что есть сил.

Кричали гуси на деревне:  
«Окован пруд. Не плавать нам».  
И крякал селезень напевней:  
«Тепло в закуте. Там, там, там».

Свой голос не сгустив до лая,  
Дворняжка тьякает на снег.  
В нем зябко лапы окуная,  
Игривый зачинает бег.

На елке галка скоком шалым  
Стряхнула с ветки бахрому,  
И глазом сине-полиялым  
Глядит, что у людей в дому.

Горят все печи и печурки,  
До неба всходит белый дым.  
И бегом вещей сивки-бурки  
Несусь я к далям голубым.

Тоски и мысли сверглась ноша,  
Душа открыта и чиста.  
Безгрешна первая пороша,  
Как подвенечная фата.

## ПОЗРАНОК

Прошел огонь по снеговым долинам.  
Сугробы срезал. Сгладил белый пласт.  
Но ртачлив холод. Плотен крепкий наст.  
Несутся лыжи. Тени по ложбинам.

Играет Солнце по холмам, их спинам.  
Возврат мороза был уже не част.  
В глухом лесу избранник птичьих каст  
Рассветы будит током глухариним.

Поет красавец. Иссиня-черна  
Могучая изгибистая шея.  
Под бровью красной в глазе страсть видна.

Петух лесов поет весну, хмелея,  
К лосихе жметя лось. О, кровь сильна,  
И знает сроки, сказки разумея.

## ЛЕСНОЙ КАРДИНАЛ

Красной шапочкой мелькая,  
Черный дятел мерял звук.  
Вверх по липе пробегая,  
Длинным клювом ткал «Тук! Тук!».

Было зримо в этом звуке,  
В этом взбеге по стволу,  
Что прошел он круг науки  
Не в глухом каком углу.

Нет, от века и до века,  
Явит он верней размах,  
Чем работа дровосека  
Пляс железа на стволах.

В елях он, где ладан росный, –  
Шубкой черен, шапкой ал, –  
Слышат бронзовые сосны.  
Что хозяин застучал.

Дуб ли сучья зарогатил,  
Крепкой выстлался корой,  
Клювом метким черный дятел  
Выкуп с дуба взыщет свой.

Где личинки, – в знанье точен, –  
Тукнет, стукнет, не взглянув.  
Меньше будет червоточин  
Там, где острый побыл клюв.

В ствол вонзив кривую лапку,  
Взбегаю вбок утратив счет,  
Он березу взял в охапку,  
Что наметит, все возьмет.

Кем в веках, как властелины,  
В черный цвет закутан он?  
От калины иль рябины  
Красной шапочкой почтен?

Властелин лесного края,  
Поползень тебе гайдук.  
Пискнет он «Так! Так!», взбегая,  
Глухо сбросишь ты «Тук! Тук!».

## ИЗ ЧУТЬ-ЧУТЬ

Чуть-чуть воды, чуть-чуть огня, скругленье,  
Росинка в длинном ковшике листа.  
Лучистая семь-красок-красота,  
Влияний ночи – утром выявление.

Весь луг поет одно стихотворенье.  
Рифмует травка с травкой, та и та,  
Красна в цвету, бела, темна, желта,  
Алмазное на каждой озаренье.

Но выпил с часом все алмазы луч.  
От дымки к дымке хлопья развернули  
Ковер верховный, грозовой в июле.

И, в пляс пустившись, гром, от края круч,  
В венце из молний, весел и гремуч,  
Сметнул две вешних Волги в долгом гуле.

## ОБИТЕЛЬ СМАРАГДОВ

По зеленым зыбям бора,  
По верхушкам по лесным,  
Ходит рокот разговора,  
Изумрудный веет дым.

В этой пустыни сосновой  
Говорит сосна к сосне  
Об игре минуты новой,  
Звонкой в солнечном огне.

Был зимой он в переделке,  
Вековой высокий бор.  
Хоронились в дуплах белки,  
Слыша свист и вьюжный хор.

Только выглянут из щелки,  
И опять скорей в дупло.  
А в ночах тоскуют волки,  
Алчный глаз горит светло.

И поджарая волчица,  
Запрокинув кверху пасть,  
Ноет-воет как вдовица,  
Голод – лютая напасть.

Были стойкие морозы,

Стыли груды облаков,  
Как придуманные козы  
Возле снящихся быков.

Вскаркнув, падали вороны,  
Замерзая налету.  
В сосны вложенные звоны  
Обращались в хрипоту.

Но мороз к морозу лютый,  
Гаркнув, бросил булаву,  
И весеннюю минутой  
Солнце вышло в синеву.

Белка к белке говорила,  
Вскачь опрыгав сосен пять,  
Что размывчивая сила  
Огнесветится опять.

Нет запястий из жемчужин,  
Растопились бусы льдин,  
И зеленый говор дружен  
Колоколящих вершин.

Волнозвонный рокот хора  
Возвещает по верхам: –  
«Изумрудной Деве Бора  
Ныне день введенья в храм».

## ВОИСТИНУ

Мне хочется грусти утонченно-нежной, которой минувшего жаль.  
Вся в кружеве черном, с улыбкой печальной, она открывает мне даль.  
Из комнаты тесной, где стынут портреты, она отворяет мне дверь.  
Туда, где не спеты живые заветы, все – завтра и только – теперь.  
Повисли сережки березы плакучей, на иве желтеют цветы.  
Христосуясь с милым, «Воистину!» молвив, мне душу овевала ты.  
«Воскресе! Воскресе!» В церковной завесе все складки вещали о том.  
В усадьбе, и в саде, и в поле, и в лесе весь воздух был полон Христом.  
Из черной земли, из разъятой, богатой, дышала воскресшая весть.  
Зеленые травки качались, встречались, в лучах расцветались, не счесть.  
Малиновка пела, скворцы суетились, от ласточки – каждой избой  
Как будто владело не горе, не дело, а щебет и сон голубой.  
Кто мог бы подумать, что древле распятый узнает распятье опять,  
Что в жизни и жизни порвутся напрасно, кровавую примут печать.  
Ты, с кроткой улыбкой, вся в облаке черном, зажги безглагольно свечу.  
И молви, когда же не тенью пойду я, а к новым лучам по лучу,  
Когда истощатся бесовские дымы, в которых вся жизнь – водOVERТЬ?  
И молвлю «Воскресе!», воистину слыша, что смертью исчерпана смерть.

## В НЕСБЫТОЧНОМ

### 1

Когда чрезмерны стали в сердце муки,  
Я пал, я спал, изжален сонмом зол.  
И дух из тела спящего исшел,  
Двойник простер белеющие руки.

Быстрее стрелы, побывшей в звонком луке,  
Я минул тьму дорог, лесов и сел.  
Мой дух был там, где мирный дремлет дол,  
Где первых милых песен млели звуки.

Меня узнала вещая земля.  
Ведь я был бел, был легок, чист, белее,  
Чем в миг расцвета водная лилея.

И ветер, чуть травинки шевеля,  
Все мороки отвеял, тихо вея.  
«Свершилось!» Прошептал. «Иди скорее!»

### 2

Качали мерный звон колокола.  
На колокольне крест светился золотом.  
Дышала кашка сладким ароматом,  
И алая гвоздика расцвела.

Всходили дымы мирного села,  
И таяли на небе синеватом.  
Молодка промелькнула желтым платом,  
В двух ведрах влага свежая светла.

Передо мной – бесчисленные нивы.  
Как много вольный труд добра принес.  
Ячмень, пшеница, греча, рожь, овес.

Приветный край, широкий и счастливый.  
И ластится ко мне дворовый пес.  
И конь заржал, потряхивая гривой.

## ВЯЗЬ ИЗ ЖЕМЧУГОВ

1

Когда весной, ребенком, утром, рано,  
Я жаворонка слышал в первый раз,  
Казалось мне, что в воздухе – рассказ  
Весны из огнецветного тумана.

Поздней я слышал в храме вспев органа,  
И радугой горел в душе алмаз,  
Ответный вспев размерно пел и гас.  
Но самый яркий – голос Океана.

В нем слитный гул неслыханных веков,  
В нем плещет довременное мечтанье,  
Из самых первых далей мирозданья.

И дух, освободившись от оков,  
Прияв – в ночи – безбрежного рыданья,  
Совет венец из древних жемчугов.

2

Раскрыт на небе огненный альков,  
Сверкают канделябры неземные.  
Зажженные сто тысяч лет впервые.  
Быть может, прежде. Прежде всяких снов.

Душа своих касается основ.  
Отдернут полог. Чу! Сторожевые  
Поют в безгласьи гимны мировые,  
Созвездьями раскинутых шатров.

Алмазные там скованы скрижали  
Законом неуклонного ума,  
В котором вечность говорит сама.

От бездны к бездне зовы побежали.  
И вторит к сердцу говор в пенном вале,  
Что нет, не дремлет творческая тьма.

3

В душе растут родные терема.  
Леса, луга, деревни и станицы.  
Родные лики. Песнь родимой птицы.  
Весна и побежденная зима.

Вновь будут полны наши закрома  
Отборной ржи и золотой пшеницы.  
В объеме Миротворческой Десницы

Пространна ясность, только час – чума.

Опять ребенку, вешним утром, рано,  
В стозвучном гуле дружных голосов,  
Споет благословенье шум лесов.

И песня, долетев из-за кургана,  
В блаженный час разъятья темных ков,  
Рассыплет вязь из древних жемчугов.

## МЕДВЯНАЯ ТИШЬ

Медвяная тишь от луны округлой и желтоогромной  
В сосновом лесу разлилась, дремотный безмолвствует бор.  
И только по самым верхам скользит ветерок неумный,  
И между высоких вершин чуть слышный идет разговор.

Далеко родимая Мать от Волги глядит до Урала,  
От Белой волны на Закат, глядит чрез Алтай на Восток.  
Атлантика мне говорит, что ждать остается мне мало,  
К Родимой моей припаду, чуть только означится срок.

## ПОД СОЛНЦЕМ

Под Солнцем пламенным, над влагой темно-синей,  
Небесным золотом согрет и озарен,  
Я слышу Океан как сонмы веретен,  
Я вижу пряжу волн с игрой внезапной линий.

Тоска изгнания, весь крестный путь пустыней,  
Вдруг превращается в цветущий гудом лен,  
Мгновенный снег валов – как белизна знамен,  
Мечта-лампада мне непозабываемых скиний.

Морские пропасти глубинней всех земных.  
Непобедимый смерч – вся ярость духа злого.  
Здесь Хаос в реве мнит, что он всему основа.

Но миг спокойствия, благопристойно тих,  
Мне четко говорит: «В начале было Слово!»  
Земля есть Солнечный, пропетый Морем, стих.

## ВЕРНАЯ ГОСТЬЯ



Я вновь с тобой, моя усталая,  
Но все не спящая тоска.  
С тобой сегодня побыл мало я.  
Бежим. Летим. Уйдем в века.

Когда еще я был стреляющим  
Из лука в зверя дикарем,  
Шаманом, по костру гадающим,  
В морях разбойником-царем, –

При самом первом достижении,  
Дикарку на колени взяв,  
Я слышал в синем отделении  
Напев меня зовущих трав.

Вот только к радости касавшийся,  
Бледнел, не двигалась рука.  
И в дали, в высоту раздавшейся,  
Манила властная тоска.

Я уходил. И Гималаями  
Меня водил Треликий бог.  
Внизу чернели люди стаями.  
Кругом был камень, снег и мох.

Я пел в тиши убогой хижины,  
Топор вонзая вкось по пню,  
Того, кем мысли не обижены,  
Миродержавный вспев Огню.

Избранник вещей меж избранников,  
Средь нижних, меж людей, изгой,  
Я пел Огню напевы странников  
С моей подругой дорогой.

Подруга – ты. Тобой ужалены,  
Сплетали мысли звенья слов.  
И довременные развалины  
Слагались в храме для богов.

Построив здания словесные,  
Не презрив гонг и барабан,  
Ушел я в дали неизвестные  
Тобой указанных мне стран.

Но каждый раз, когда мне синяя  
Цвела страна издалека,  
Я приходил – и был в пустыне я,  
И вновь со мной была тоска.

И каждый раз, когда свершения

Предельно были хороши,  
Ко мне рыдающее пение  
Взметалось в тайностях души.

И в эти дни, когда ответами  
Разбиты все вопросы в прах,  
И все напевы стали спетыми,  
И каждый вedom стал размах, –

Лишь ты жива еще, стозвонная,  
В тебе бурлящая река,  
О, неисчерпанно-бездонная,  
Моя бессонная тоска.

## СТОЛБЫ ЗАКОНА

Гляди на Солнце, пока есть Солнце. Упорствуй в свете, пока есть свет.  
А если сумрак, а если полночь, законам мира отмены нет.  
Столбы закона с земли до неба. Не пошатнет их ничья рука.  
Но в высь по камню струятся листья. В горах из камня течет река.  
Дороги мира многообразны. Всей тайны мира не знал никто.  
Любую мудрость измерит сердце и грустно молвит: «Не то. Не то».  
Но есть другая, всегда живая, всегда родная, для сердца весть.  
Она сияет в загадках светлых и в талисманах, а их не счесть.  
Взгляни на руку под ярким Солнцем, вся золотая твоя рука.  
И кровь незримо в тебе танцует, а в красной крови поют века.  
И если джунгли в тигриных играх, и любит полночь сова и крот,  
Сильней, чем полночь, тот многозвездный, в высоком небе, водоворот.  
Столбы закона – с земли до неба, но в паутинах меж двух столбов  
Так много радуг, что семицветный сплетешь для таинств себе покров.  
В одной улыбке – просветы в Вечность. На всю бескрайность – путь кораблю.  
Когда ты слышишь преображенный, и, дрогнув, можешь сказать: «Люблю!»

## МОЙ ЗНАК

Мой знак – человек на коне.  
Без хлыста. Ибо конь его – птица.  
Ибо конь его – ветер, зарница.  
Задрожавшая вражья бойница.  
Без хлыста. Но с мечом. И в огне.

Но с мечом! Ибо силен дракон.  
Он с мечом. Ибо змей многоглавый,  
Многозвенный, весь сборный, лукавый.  
Завладел, на минуту, державой.  
Но счервится, заслышавши гон.

Перезвон. Перескок. Переступь.  
Вся дорога до логова взрыта.  
Разыграйся четыре копыта.  
Разгремитесь над цепким сердито,  
Загоните чудовище вглубь.

Раздробите его в глубине.  
Приговор над бесовской забавой,  
Просверкайте над былью неправой,  
Поспешай с жизнетворческой славой,  
Весь – полет, человек на коне.

## ГОРЯЧИЙ ПОБРАТИМ

Я редко слышу тонкий стук копыт.  
Конь осужден людьми на увяданье,  
И, чтец времен, поэт и следопыт,  
Я говорю: Вам будет воздаянье  
За осужденье таинства веков,  
Из всех созданий – лучшего созданья.  
О, дни безмерных конских косяков!  
Простор степей, покрытых табунами.  
О, час руды! Кование подков.  
Когда мой дух глубинно схвачен снами,  
Я вижу то, что было искони,  
Я прохожу седыми временами.  
Горят в пещерах дымные огни.  
Впервые найден пламень человеком,  
И пляшет мысль, дремавшая в тени.  
Он будет ковачом и дровосеком,  
Строителем крылатых кораблей,  
Он проплывет к неизвестному по рекам.  
Река ведет к безбрежию морей.  
Морская синь уводит в океаны.  
Бежишь с горы, – чем дальше, тем скорей.  
Из искры – весь цветной ковер Светланы.  
Вся музыка – из пения огня.  
В нем жизнь и завоеванные страны.  
Но кто бежит, металлом ног звеня?  
Кто смерял все открытые просторы?  
Везде в веках увидишь лик коня.  
Леса, луга, пустыни, степи, горы,  
Охоты, битвы, все, чего хотим,  
Где воля человека тклет узоры, –  
Где замысел Судьбы неисследим,  
Везде свой бег и звонкий голос ржанья,  
Горячий конь, наш вещий побратим.  
Но не в одних играциях стяжанья,

Испытан он, дарованный Судьбой,  
Услышь колосья. Вникни в их шуршанья.  
Постой на ниве ночью голубой,  
Когда перекликаются зарницы  
Сказаньями из света над тобой.  
Священна рожь. Светло зерно пшеницы.  
Как сказка, взвихрен колос ячменя.  
Слова одной божественной страницы.  
Но в звон зерна чей звук взошел, звеня?  
В нем за сто верст умчавшееся ржанье.  
И храп, и вздох, и хруст, и ступь коня.  
Взгляни на звезды, Сосчитай дрожанья  
Всех желтых, всех зеленых, голубых,  
Тех свеч тысячелетних обожанья.  
Составь им лист и знай: Не больше их,  
Чем тайных несосчитанных внушений,  
Чьей власти я слагаю ныне стих.  
Наш мир внутри – дорога отражений.  
Мы обручальным скованы кольцом.  
С звериным царством светлых наваждений.  
О, человек, ты с царским был венцом,  
Когда умел, в сознаньи вещей связи,  
До конской шеи припадать лицом.  
Кто был Кентавром в двойственном рассказе?  
Не человек ли, скованный с конем?  
Где ночь черней, чем в грозном конском глазе?  
К чему в беде мы в дикой скачке льнем?  
С кем, в юность, делим бурные восторги?  
Топча Змею, разившую огнем,  
Не на коне ли был Святой Георгий?

## КУВШИН ВЫСОКИЙ

Под дубом древним,  
Чей ствол твердыня,  
В горенье света  
Игра теней.  
На ветках мощных  
Шуршанье листьев,  
По грани листьев  
Пробег огней.

Упорны корни  
Седого дуба,  
Разбег зеленый  
До звезд дошел.  
Руби, не срубишь,  
Пили, не спиличишь,  
Железно-твердый

Узлистый ствол.

Под дубом древним  
Старинный терем.  
Тяжелый терем  
Громадой встал.  
Оконца узки,  
И слюдяные,  
Но отсвет Солнца  
В них утром ал.

И ярко-красный  
В вечерних зорях,  
И желто-красный,  
Когда паром  
Отяжелевший  
Провозит тучу  
И выпускает  
На волю гром.

Среди чертогов  
Есть зал приемный,  
Вдоль стен там копья,  
Мечи, щиты.  
Решают войны,  
И пир ликует,  
И пляска вьется.  
Поют мечты.

Но в самых задних,  
Так мило тесных,  
Чертогах малых,  
Где светлый лик,  
Смеются дети,  
Играют дети,  
И кто б ты ни был,  
Там твой двойник.

Твоя ли повесть,  
Или чужая,  
В бессмертных сказках  
Столетних нянь,  
С земли до неба  
Одна дорога,  
На клад заветный  
Безгласно глянь.

Кувшин высокий  
Расписан пышно,  
И в нем ведовский  
Древнейший мед.  
Испей немного,

Довольно будет.  
Испыют другие,  
Для всех черед.

## ОСТЕРЕЖЕНИЕ

Человек и огонь возвращаются в те же места.  
Человек и пожар, в жуткий миг, не одно ли и то же?  
Человек и змея, вы в священном преданьи похожи.  
Человек и червяк, не одна же ли в вас темнота?

Если Солнце калит, как медяный расплавленный шар,  
Если змей сверхземной разлился в перебрызнувшей мере,  
Иссушенно шуршит вся трава раскалившихся прерий,  
По безмерным степям заплясал и клокочет пожар!

Не оттуда ли к нам, к затаенным, к незрячим внизу,  
Не из верхних ли мест, где вскипают на Солнце поджоги,  
Не оттуда ли к нам посылают все жгучее боги?  
Наша Троя горит. Сто веков закачало грозу.

Ты видал ли тайгу? Ты прошел ли всю Русь и Сибирь?  
Ты проплыл ли в морях всю безбрежность морского свеченья?  
Ты всходил на Синай? Ты постиг неоспорность значенья  
Богоданных таблиц, оковавших душевную ширь?

Преступи лишь черту, и скрижали упали, звеня.  
Только искру забрось, опалишь высочайшие крыши.  
Наше сердце – огонь. Мы по срыву спускаемся. Тише.  
Пламя любит бежать. Кто изведал все русла огня?

## СЛАВОСЛОВИЕ РЫЖЕМУ ЛЬВУ

Рыжий лев, но с черной гривой,  
Тучевеющий туда,  
Где всех облак череда,  
Не пройдя моею нивой,  
Будь со мною навсегда.  
Красный лев, но с белой гривой,  
Буревающий туда,  
Где рекой бегут года,  
В звероликости красивый,  
Будь со мною навсегда.

Желтый лев, но с синей гривой,  
С темно-синей, как вода,

То сварливый, то игривый,  
Будь со мною навсегда.  
Рыжий лев с кудлатой гривой,  
Дымовеющий туда,  
Где и радость и беда,  
Без вреда мне, глянь, бурливый,  
Будь со мной всегда-всегда.

Знаю я, что лев жаднее,  
Чем любой на свете зверь.  
Мастью древний лев краснее  
Каждой крови, верь не верь.  
Всех земных цветов затеи  
Не краснее, не желтея.  
Но для пасти, не робея,  
Вот, с добычей я теперь.  
В чашу самую глухую  
Я прорвался напролом.  
Мудрым стебли сплел узлом  
В честь багряного ликую,  
И добычу я лесную  
Разрубаю топором.  
Знаю я, что чем обильней  
Мной бросаемый кусок,  
Тем грозней и тем всеильней  
Львиный рык и львиный скак.  
Знаю я, что чем богаче  
Снедь, кидаемая в пасть,  
Тем пышней в своей удаче  
Яропламенная страсть.  
Знаю, знаю, и люблю я  
Ликованье красных сил.  
Я хочу, чтоб лев, яруя,  
Громким криком возопил.

Вот, бросаю, не считая,  
За куском ему кусок.  
Дыбом грива золотая,  
И дугою львиный скак.  
И пока его кормлю я,  
От добычи не тая,  
Огневого поцелуя  
Хватку в сердце слышу я.  
Чуть замедлю пированье,  
Скалит зубы жадный рот  
И гремучее взыванье  
Огневой водоворот.  
Рыжий лев, но с гривой чалой,  
Выдыхает огнезнак,  
Чтоб оделся краской алой  
Надвигающийся мрак.

Знаю, дух свиреполицый,  
В пищу дай тебе леса,  
И умчишься змеептицей  
В голубые небеса.  
Дай по выси темносиней  
Тучевым пройти холмом,  
Будешь молнией в пустыне,  
Будешь в воздухе ты гром.  
И всемирного пожара  
Воспринявши весь размах,  
Ты, явивши образ шара,  
Будешь Солнцем в небесах.  
Но, пока веду я дружбу  
С этим красным, рыжим львом,  
Пыл его мне служит службу  
В тайнодействии живом.  
Разогнавши лютый холод,  
Разбросав дожди колец,  
Я себе, вздымая молот,  
Золотой кую венец.

## ВОСКРЕСЕНЬЕ

Слава доброму мышленью  
Слава доброму реченью  
Слава доброму деянью,  
Вечность – ярким трем огням.  
Кто к благой склонился мысли,  
Он склонен к благому слову,  
Он идет к благому делу,  
Слава верным трем путям.  
Мысль – зерно, а слово – стебель,  
Дело – колос пышной жатвы,  
В триединстве – завершенье,  
Трижды слава трем лучам.  
Троекратной скрепой света  
Опоясан к битвам жизни,  
Вопрошатель Заратустра  
Стал о смерти размышлять.  
Вопросил он свое сердце,  
Но молчало грустно сердце,  
Вопросил Агурамазду:  
«Смерть возможно ль победить?»  
Свет миров, создатель жизни,  
Лунноликий, солнцеокий,  
Отвечал Агурамазда,  
К Заратустре говоря:  
«Ночь – лишь краткий отдых солнца.  
Ночь поит росой расцветы,



Воскресеньем человек  
Смерть вовек побеждена». И упавши Заратустра  
Пред лицом Агурамазды,  
Ноги звездные целуя,  
Сомневаясь, спросил:  
«Тело было, стало прахом,  
Ветер пыль давно развеял.  
Как возможно воскресенье  
Праха спутанных путей?»  
В гром и молнию одевшись,  
Балдахин взнеся из радуг,  
Отвечал Агурамазда,  
К Заратустре говоря:  
«В час, когда я строил небо,  
Без стропил и без подпорок,  
Лишь из сущности рубина  
Изводя широкий свет, –  
В час, когда моею волей,  
Восприемница зачатий,  
Прародительница жизней,  
Встала круглая Земля, –  
В час, когда зерно возникло,  
Как продольный крепкий жемчуг,  
Чтоб, рассыпанное в прахе,  
Множественно стать живым, –  
В час, когда в деревьях, в травах,  
Силой духа волевого,  
Сокровенно заиграли  
Чары тайного огня, –  
В час, когда из поцелуя  
Там, во чреве материнском,  
Стали в первый раз слагаться  
Руки, ноги и глаза, –  
В этих всех победах жизни  
Над пустотами безличья,  
В этих всех изводах ликов  
Из глубин небытия  
Было больше трудной тайны,  
Чем в восторге воскресенья, –  
В настоящем и в прошедшем  
Есть грядущее всегда.  
Не из прошлого ковал я  
Настоящее мгновений,  
Не из бывшего я вынул  
Синь эмали верховой, –  
Изумруды всех былинки  
И рубины всех расцветов  
Из небывшего исторг я  
Волей творческой мечты.  
Так насколько же мне легче,  
Взяв металл отяжелевший,

Дунуть в горн и в плясках красных  
Жидкость ковкую ваять.  
Подниму тяжелый молот.  
Опущу гремучий молот,  
Пламя любит быть веселым,  
Жизнь живет, и смерти нет.  
Только помни три завета,  
Мысль, и слово, и деянье,  
Возрожденье – в недрах воли,  
Воскресенье – не обман».   
И, восставши, Заратустра  
Услыхал, что гром уходит,  
Увидал на небе синем  
Семицветную дугу, –  
Увидал под склоном горным  
Нивы, пастбище и дом свой,  
Услыхал в древесной чаще  
Звонкий голос соловья.

## ЗОЛОТОЙ ОБРУЧ

### 1

Красивы блески царственного злата,  
Добытого в горах и руслах рек.  
В нем силу солнца понял человек,  
В нем страсть, любовь, и бой, и гуд набата.

Чтоб клад достать, утроба тьмы разъята,  
Оплот гранита жаждущий рассек.  
Подземный Вий, из под тяжелых век,  
Признал и в кратковременном смелом – брата.

Не говори о золоте слегка.  
Колдуют долго солнечные чары  
По руслам рек и там, где срывны яры.

Власть перстня обручального крепка.  
Всесильны желто-алые пожары.  
Изыскан огонь осеннего листка.

### 2

Изыскан огонь осеннего листка,  
Когда, лиясь, внедряются рубины  
В белесоватый страх в листве осины  
И кровь сквозит в листве березняка.

В персидских шаях липы. Нет цветка  
Краснее ягод вызревших калины.  
В них бусы всева пламенной былины.  
По ржавым листьям пляска уголька.

Лесная глушь – расплесканное море.  
От искры искра, зыбь и цепь огней,  
Многорасцветный праздник головней.

Душа ликует в красочном просторе.  
Что в дали той, что вовсе далека?  
До моря путь – через три страны река.

### 3

До моря путь – через три страны река.  
Поток весны – через пороги лета,  
И осень, пред зимой, в огонь одета.  
В тройном запястье тайна глубока.

Бездонный ров. Над ним лежит доска.  
Пройди туда, где явь иного света,  
Не торопя оправданность обета,  
И, выпив радость, знай: нужна тоска.

К нам, в наших днях, должна прийти утрата.  
У сердца с правдой мира договор.  
Нам осенью поет о нем узор –

Кровавого разорванного плата.  
И, эхом к нам идя сквозь гулкий бор,  
Волнует зов минувшего «Когда-то».

### 4

Волнует зов минувшего «Когда-то»,  
Кричит «Ау!» пустынею лесной,  
И помним мы, как хорошо весной,  
Как вся она открыта и богата.

Мы ценим утро только в час заката.  
Мы красочною тешимся волной,  
Настурций увидав цветочный зной,  
Когда осенней грустью сердце сжато.

И благо. Радость в боль обрамлена,  
Какие бы мы были не тоскуя?  
Мы недостойны были б поцелуя.

Привет тебе – в час осени – весна.

Как камень, в воду брошенный со ската,  
Люблю в весне разливы аромата.

5

Люблю в весне разливы аромата,  
Веселая, она не хочет тьмы,  
Секирой ледяной сшибла рог с зимы,  
Поет, хоть от сугробов даль горбата.

И рухнула – из льда и снега хата,  
Просыпан снег последний из сумы,  
Ручьи бегут на праздник кутерьмы,  
И рой сорок стрекочет воровато.

От всей земли, из каждого куска,  
Дыханье разогретой жадной хоти.  
Путь к радости – на каждом повороте.

С Егорья доходи до семика.  
В русальных торжествах святыня плоти.  
Весна, как степь, светла и широка.

6

Весна, как степь, светла и широка.  
Всегда, веснуя, дух наш весь веселье.  
Весна – от солнца данное нам зелье.  
Весна равняет с богом червяка.

Ко взору взор, к руке идет рука.  
В веснянке – хмель, в весеннике – похмелье.  
Кто полюбил, тот принял ожерелье,  
Где жемчуг – солнцелунные века.

О, стебель мая с завязью июня,  
С июльской чашей мака! Жаркий сказ.  
Весна и лето, как люблю я вас.

Но мил мне также лет бесшумный луня.  
Весна, как вспышка вещей снов, ярка.  
Прекрасней осень. Смерть душе близка.

7

Прекрасней осень. Смерть душе близка.  
Хотя б царем, безоблачно, беспечно,  
Жить на земле я не хотел бы вечно.  
На всем, что здесь, я вижу знак: «Пока».

Всегда ли мне смотреть из уголка?  
Когда вверху, мостообразно, млечно,  
Звездится Путь, он манит бесконечно  
Туда, откуда наша глубь мелка.

Есть бег, есть взлет к иной лучистой цели,  
Светлей того, что здесь светлей всего.  
И тщетно ль наши свечи здесь горели?

Есть лучшее, и я найду его.  
В часах, чья власть коггиста и рогата,  
Что лиц милей, ушедших без возврата?

8

Что лиц милей, ушедших без возврата?  
Мы были вместе. Память их жива.  
Я помню каждый взгляд и все слова.  
Они слышней громового раската.

Как запахом – раздавленная мята  
Сильней, чем вся окрестная трава,  
Так слышен некий голос божества  
В том, что любил, в твоём, что смертью смято.

Насмешкой был бы мир, все было б зря,  
Когда бы жизнь сменялась пустотою.  
Не на песке мою часовню строю, –

О правде воскресенья говоря.  
И год, скруглившись, слушает со мною,  
Как звонок светлый воздух сентября.

9

Как звонок светлый воздух сентября.  
Благословеньем синего амвона  
Какая тишь нисходит с небосклона,  
В сознание светят свечи алтаря.

Творец любил, творение творя.  
Земля – неисчерпаемое лоно.  
В селе, вдали, поплыли волны звона,  
В душе поют бездонные моря.

Шуршанье листьев – музыка живая.  
Спадает лист зажженный за листом,  
Вещанье тихим шелестом свевая:

Разрушен дом, – в три дня восстанет дом.  
И тонкий, как укол тончайшей спицы,  
Хрустален свист мелькающей синицы.

10

Хрустален свист мелькающей синицы.  
Он говорит, что, если мир лучист,  
Он скоро будет хрупок, бел и льдист.  
Ловите миг цветущей огневицы.

По зову этой милой птицы,  
На ветке каждый яхонтовый лист,  
Впивая луч, трепещет, пламенист.  
И падают цветные вереницы.

Отдохновенье – мудрость бытия.  
Но жизнь жива под мертвыми листьями,  
И пахнет крепким запахом, груздями.

Растет их головастая семья.  
Богатство до весенней нам денницы.  
В амбарах рожь. Душистый клад пшеницы.

11

В амбарах рожь. Душистый клад пшеницы.  
В сарае столько сена, посмотри,  
Что до весенней хватит нам зари,  
Когда у ней раскроются ресницы.

Не покладали рук жнецы и жницы,  
Точили косу звонко косари.  
Земля богата. Хочешь, так бери.  
И мед есть в ней, и воск есть для божницы.

И оттого, что там трудились мы,  
Что сосчитали труд наш закромами,  
Приятно нам пришествие зимы.

Нас тешит журавлиный крик над нами.  
Желанен, как земная нам заря,  
Весь лес, – в рубинах, в меде янтаря.

12

Весь лес – в рубинах, в меде янтаря,  
В расцветностях, которых не измерим, –  
Нам выстроил, пред смертью года, терем,

Всю пышность в час прощания даря.

Не льстись своей клюкой поводыря.  
Живи лишь вровень с деревом, с птицей, с зверем.  
В людское наше мы чрезмерно верим,  
Напрасно мир и смысл его коря.

Тяжелый жернов знает путь вращения,  
Он должен свой умол перемолоть.  
И в куколке, до мига воплощения,

Всю зиму мотылек лелеет плоть.  
Не сетуй же, что белою зарницей  
Уж скоро глянет иней бледнолицый.

13

Уж скоро глянет иней бледнолицый.  
Из мглы болот всползет седой туман,  
Стремясь от нас к теплу далеких стран.  
Чу, журавли подвижною станицей.

Взревет метель забытой львами львицей,  
Застынет облак белых караван.  
Весь мир, как Ледовитый океан,  
Раскинется безмерною гробницей.

Но в час, как с вихрем бьется снег в окно,  
Как хорошо в тиши нагретой, дома,  
Припоминать все бывшее давно.

Крутить мечту дорогой кругоёма.  
И яркие звезды в ночи декабря.  
Тот любит смерть, кто прожил жизнь, горя.

14

Тот любит смерть, кто прожил жизнь, горя.  
Не утаил себя, как раб лукавый, –  
Лелея луч внутри светящей славы,  
Постиг, что спор с творцом пустая пря.

Какое счастье – расточать, беря  
Из житницы, где звери, птицы, травы,  
И в миг свой – боль, и в час свой – все забавы.  
В деснице быть Верховного Царя.

Лишь сам себе ты облик супостата,  
Когда своею краткой волей в бой  
Вступить ты хочешь с Волей мировой.

Твоя хоругвь до солнца в высь подъята,  
Когда ты явишь цвет цветка собой,  
В красивых блесках царственного злата.

15

Красивы блески царственного злата,  
Изыскан огонь осеннего листка.  
До моря путь – через три страны река.  
Волнует зов минувшего «Когда-то».

Люблю в весне разливы аромата,  
Весна, как степь, светла и широка.  
Прекрасней осень. Смерть душе близка.  
Что лиц милей, ушедших без возврата?

Как звонок светлый воздух сентября.  
Хрустален свист мелькающей синицы.  
В амбарах рожь. Душистый клад пшеницы.

Весь лес – в рубинах, в меде янтаря.  
Уж скоро глянет иней бледнолицый.  
Тот любит смерть, кто прожил жизнь, горя.

*Печатается по:* Бальмонт К.Д. Моё – Ей. Россия. Стихи. 1923 / Публикация, вступ.  
статья Н. А. Молчановой. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2009

---

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>